

Император поручил Сюэ Шу расследовать дело о лисе-демо́не и найти главного виновника, однако дело продвигалось из рук вон плохо. Недовольный неумелыми действиями императорской гвардии и Восточного бюро, Лунфэн спонтанно возложил эту задачу на Сюэ Шу, отличившегося при спасении его жизни, и повелел в десятидневный срок найти истинного преступника.

Вот только император не дал ему ни официального чина, ни людей в подчинение. И хотя Сюэ Шу действовал по высочайшему указу, по сути он оставался всего лишь стражником самого низшего ранга. Не говоря уже о людях из Восточного бюро или императорской гвардии, даже служащие Западного бюро, хоть и рассыпались перед ним в любезностях, при необходимости реальной помощи умело уклонялись от любой работы.

Не имея никого, кем можно было бы командовать, Сюэ Шу пришлось взяться за расследование самому.

Он снова отправился к павильону Хуанцзи.

За ночь все вокруг замело снегом, и следов вчерашних событий почти не осталось.

Сюэ Шу обошел павильон, осматривая окрестности и мысленно измеряя расстояния.

Минувшей ночью красный туман и блуждающие огни окутали почти всю площадь перед павильоном — зона охвата была огромной. Он вырос на улицах и повидал немало подобных фокусов, но по сравнению с представлением у павильона Хуанцзи трюки уличных артистов казались детской забавой.

Создание такого зрелища требовало немалых усилий. Учитывая масштабы, необходима была тщательная предварительная подготовка, чтобы все прошло без сучка без задоринки.

Императорские гвардейцы, хоть и были бездарями, вряд ли позволили бы кому попало разгуливать у павильона Хуанцзи и что-то там устанавливать.

Следовательно, организатор должен был обладать статусом, позволяющим действовать незаметно.

Скорее всего, это был кто-то из своих. Предатель.

Людей, имеющих доступ во дворец, не так уж много. Тот, кто пошел на такой риск, явно рассчитывал на огромную выгоду.

Сюэ Шу мысленно прокрутил события минувшей ночи, вспомнил поведение присутствующих и, отсеяв одного за другим, быстро сузил круг подозреваемых.

Проворочавшись полночи, Инь Чэньюй проснулся поздно.

Чжэн Добао, услышав шум, вошел в покои и увидел, что наследный принц все еще сидит на ложе, опираясь на подушки и кутаясь в одеяло. Его темные волосы рассыпались по плечам, оттеняя благородное лицо, на котором застыло редкое выражение расслабленности.

— Всю ночь шел снег, на улице жуткий холод. Я велел на малой кухне приготовить суп из бараньих потрохов. Когда Ваше Высочество проснетесь, сможете выпить немного, чтобы согреться.

Инь Чэньюй лениво промычал в ответ, все еще чувствуя вялость и апатию.

— Под утро мне показалось, что в постели очень холодно, и я почти не спал.

Вообще-то раньше он не был так чувствителен к холоду. Эта проблема появилась после ссылки в императорскую усыпальницу.

Заклучение в усыпальнице... Могло показаться, что император Лунфэн сохранил к нему толику отцовской любви и не решился убить. Но на самом деле жизнь там была хуже смерти.

Какая может быть жизнь у живого человека среди могил?

Лишенный титула наследного принца, опозоренный, он отправился в усыпальницу лишь с одним Чжэн Добао. Ни он сам, ни его верный евнух прежде не знали лишения.

Но в усыпальнице, за исключением трехразового питания, которое им приносили, все приходилось делать самим.

Больше всего он боялся зимы.

Зимой в усыпальнице становилось холодно, как в ледяной пещере. Он был опальным принцем, и на уголь для обогрева рассчитывать не приходилось. В первый год, совершенно неподготовленный, он мог лишь стискивать зубы и терпеть холод, не дававший уснуть. Чжэн Добао, стирая ему одежду, отморозил себе руки, некогда знавшие лишь холеный уход, — они покрылись незаживающими цыпками.

На второй год они, наученные горьким опытом, заранее запаслись дровами на зиму. Вместе с Чжэн Добао он повсюду искал хворост, а затем рубил его и сушил.

Поначалу Чжэн Добао не хотел, чтобы принц утруждал себя, но какой смысл был цепляться за остатки былой роскоши, оказавшись в таком положении?

Сидеть сложа руки означало ждать смерти.

Так они и прожили в заточении пять лет. За эти годы его здоровье сильно пошатнулось. Даже после того, как он заключил союз с Сюэ Шу и вернулся в Восточный дворец, он не мог забыть это ощущение ледяного холода, пробирающего до костей.

С тех пор он и стал так чувствителен к холоду.

Каждую зиму в его покоях земляную печь — дилун — начинали топить загодя, и угля на него уходило больше, чем у других. Сюэ Шу тогда настоял на том, чтобы ночевать у него, но уже через несколько дней жара довела его до того, что у него дважды шла носом кровь. Однако даже это не заставило его перебраться в другую комнату; более того, он запретил принцу так сильно топить.

Тогда Инь Чэньюй впервые на него рассердился и после долго переживал, опасаясь, что Сюэ Шу в гневе разорвет их договор. Но тот, к его удивлению, не разозлился. Напротив, с тех пор он завел привычку перед сном заниматься кулачным боем. Ложась в постель, он обнимал принца, и его разгоряченное тело согревало куда лучше, чем иссушающий воздух дилун.

Так Инь Чэньюй молчаливо согласился на то, чтобы Сюэ Шу спал с ним в обнимку.

Вспоминая об этом сейчас, принц подумал, что если у Сюэ Шу и были достоинства, то умение греть постель — определенно одно из них.

Инь Чэньюй тихо вздохнул и сказал Чжэн Добао:

— Дилун в покоях, кажется, остыл. Вели растопить пожарче.

Чжэн Добао прислушался к своим ощущениям: если растопить еще сильнее, в комнате станет жарко, как в бане. Но, взглянув на бледное лицо Инь Чэньюя, он решил, что это последствия недавней тяжелой болезни — тело ослабло, вот Его Высочество и мерзнет сильнее обычного. Евнух поспешно согласился, решив про себя, что нужно будет приказать приготовить лечебные блюда для укрепления здоровья принца.

Лишь когда дилун снова раскалился, Инь Чэньюй откинул одеяло и встал с кровати.

Чжэн Добао помог ему умыться и одеться, а затем велел подавать обед.

Инь Чэньюй сделал глоток супа из бараньих потрохов и, блаженно прикрыв глаза, наконец

перешел к делу:

— Людей схватили?

— Еще до начала новогоднего пира он приказал своим людям устроить засаду у павильона Хуанцзи. Прошлой ночью, когда появилась лиса-демон и воцарился хаос, злоумышленники решили, что их никто не заметит, но люди принца уже ждали своего часа в укрытии.

— Командир Чжао доложил сегодня утром, что прошлой ночью схватили двоих, — ответил Чжэн Добао. — Один из них принял яд и умер на месте. Второго удалось остановить, но он оказался крепким орешком — молчит как рыба.

— Командир Чжао все-таки слишком мягок, — покачал головой Инь Чэньюй. — Раз отец-император поручил это дело Сюэ Шу, пусть он и забирает пленника.

Сюэ Шу едва успел вернуться в Западное бюро, как его снова вызвали во дворец Цыцин.

Подойдя к дверям павильона, он тщательно отряхнул снег с одежды и только потом последовал за провожатым — молодым евнухом — во внутренний зал.

Красный трон в центре зала пустовал. Его ждал только Чжэн Добао. Увидев Сюэ Шу, он сказал:

— Господин Сюэ, прошу за мной.

Сюэ Шу сделал несколько шагов, но затем обернулся, посмотрел на пустой трон и спросил:

— А где же Его Высочество?

— Зачем беспокоить Его Высочество по таким пустякам? — Чжэн Добао бросил на него косой взгляд. Манеры этого господина Сюэ оставляли желать лучшего. Евнух не удержался от нравоучения: — Его Высочество — наш повелитель, а мы — его слуги. Разве можно так запросто расспрашивать о местонахождении Его Высочества? Это непочтительно!

Сюэ Шу коснулся платка, спрятанного за пазухой, и рассеянно промычал в ответ.

Не переставая ворчать, Чжэн Добао проводил его в темницу, где временно держали заключенных.

Подозреваемый был привязан к столбу. Голова его безвольно свисала, лица не было видно. Рубаху с него сорвали, на теле виднелись свежие следы от плети — очевидно, его недавно пытали.

— Вот он. Вчера командир Чжао заметил, что этот человек ведет себя подозрительно, и задержал его для допроса. Но один из них тут же принял яд. Этому удалось спасти, но он упорно молчит. Теперь передаем его вам, господин Сюэ. Надеемся, вы как можно скорее докопаетесь до истины и схватите преступников.

Чжэн Добао произнес все это весьма высокопарно — таков был благовидный предлог, чтобы открыто передать Сюэ Шу задержанного. Стража Восточного дворца обнаружила подозрительного человека и передала его для допроса Сюэ Шу, отвечающему за расследование, — тут не придаться.

Не увидев Инь Чэньюя, Сюэ Шу потерял всякий интерес и, не желая тратить время попусту, забрал пленника и ушел.

Чжэн Добао вернулся во внутренние покои доложить Инь Чэньюю.

— Он забрал человека? — Инь Чэньюй упражнялся в каллиграфии в зале Хунжэнь.

— Да, — Чжэн Добао знаком отослал прислуживающего евнуха и взялся растирать тушь. — Забрал и ушел, не сказав ни слова. Командир Чжао бился всю ночь, но так и не смог развязать ему язык. Неужели этот господин Сюэ справится? — В его голосе слышалось сомнение.

— Если он не сможет его разговорить, то не сможет никто.

Инь Чэньюй усмехнулся, но при воспоминании о жестоких методах Сюэ Шу невольно нахмурился.

В прошлой жизни Сюэ Шу, конечно, многому научился в карательных ведомствах, но по большей части его невероятная безжалостность была врожденной.

Позже, возглавив оба бюро и гвардию, он обновил весь арсенал пыток императорской тюрьмы Северного управления. Говорили, что никто из попавших туда, даже самый стойкий упрямец, не выдерживал и трех дней.

— Посмотрим. Скоро все прояснится.

Сюэ Шу отвел пленника в тюрьму Западного бюро.

Во времена расцвета у Западного бюро была своя тюрьма для допросов, не уступавшая императорской по изощренности пыток. Но после упадка бюро тюрьма опустела, и всех преступников стали отправлять в императорскую тюрьму. Разумеется, все заслуги

приписывались Восточному бюро или императорской гвардии.

Однако в тот день из давно пустующей тюрьмы Западного бюро снова донеслись крики заключенного.

Знакомый и одновременно непривычный звук встревожил стражников Западного бюро; они стали перешептываться, гадая, кто ведет допрос.

Ответ был очевиден — Сюэ Шу.

С тех пор как он доставил пленника в тюрьму Западного бюро, его никто не видел, но вскоре оттуда донеслись непрекращающиеся крики и ругань.

Те, кто еще оставался служить в Западном бюро, были по большей части трусоватыми бездельниками. Услышав душераздирающие вопли, они помрачнели.

Под такие звуки ни пить, ни играть в кости уже не хотелось. Стражники разошлись, гадая, когда же это все закончится.

Но крики не стихали всю ночь.

На следующее утро, когда вопли наконец прекратились, из тюрьмы вышел Сюэ Шу, от которого разило кровью.

Один из стражников хотел было подойти, поприветствовать его и сказать пару лестных слов, но застыл на месте, увидев нескрываемую жестокость в его глазах. Он инстинктивно затаил дыхание и смог выдохнуть, лишь когда Сюэ Шу прошел мимо.

В этот момент Сюэ Шу внушал больше страха, чем самый опытный палач из императорской тюрьмы.

Не человек — скорее, разящий клинок.

<http://bllate.org/book/13382/1190724>